

СЕРГЕЙ ДЫШЕВ

НАЕМНИК

ГАСИЛЬЩИК

Сергей Дышев

Гасильщик

«ЭКСМО»

2008

Дышев С. М.

Гасильщик / С. М. Дышев — «Эксмо», 2008

Закрытая Дача – особо секретное место. Запертые здесь «высоколобые» ученые разрабатывают изощренные способы разграбления страны. А руководят ими люди с самой вершины власти. Объявить войну этой сатанинской Системе хочет человек, случайно попавший в ее жернова. Бывшего офицера-пограничника Раевского криминальные боссы наняли сторожить ученых. А раз так, ему и карты в руки. Он ведь знает всю подноготную, видит это дьявольское место изнутри. Вот только планы отчаянного наемника становятся известны боссам. И прощать они не привыкли...

© Дышев С. М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Дышев Гасильщик

* * *

И я влип. Сколько раз говорил себе, что благие дела добром не кончаются, расплата неминуема, как звон в ушах после крепкой оплеухи. Била меня жизнь, но мало. Надо еще, да так, чтоб навсегда отшибло охоту сломя голову нестись демонстрировать свои добродетели. Еще Фома Аквинский на этот счет намекал. Дословно не помню. Когда убегаешь, не чувствуя ног, из памяти выветривается.

Смывался я по всем правилам разведчика-нелегала, то есть по принципу зайца: два подскока прямо, один направо, а потом наоборот. В меня, конечно, стреляли, распугав не только окрестных старушек-торговок, но и отупевшую от созерцания стаю грязных стационарных ворон. Разумеется, младший милицейский состав палил честно и добросовестно из всех стволов. Почаще надо заниматься огневой подготовкой. Я уплыл, как жидкая амeba в микроскопном окуляре нетрезвого юнната. То есть вроде меня и не было.

Но – за мной остался труп. И даже если я оторву и слопаю свои уши, грузный лысоватый человек в кожанке, из-под которой ненавязчиво вдруг закапало вишневым сиропом с приторным запахом крови, все равно будет висеть на мне, пусть даже я проделаю тысячу километров в сторону без сна и на одном дыхании.

По приказу Родины я убивал в Афганистане. Сначала это мне не нравилось. Против местных бабаев я ничего не имел. Они казались мне забавными аладдинами, бродят босиком, на голове – стометровое полотенце, как начнут разматывать, полжизни пройдет. В общем, классные ребята. А как по горам шастали! Ни один винторогий баран не сравнится!

Потом кто-то невзначай выстрелил первым. И вот, дружественный еще со времен дедушки Ленина народ превратился во враждебное окружение. Нас стали убивать. И мы тоже обозлились. Природой этой злости была месть.

Но я отвлекся в самый драматический момент. Девятимиллиметровые свинчатки жужжали над моей незащищенной головой, я перескакивал через рельсы, ощущая их в темноте интуитивно, одно нечаянное падение стоило бы жизни. Меня бы скорее всего убили, а может, ранили.

Мертвец в кожанке отдыхал на ребрах скамейки. Он застыл в позе человека, утомившегося ожиданием электрички. Эдак закинул голову назад, мрачнее тучи, машину не подали... За пижонство, видно, поплатился. Вот только я тут ни при чем.

Временно я почувствовал себя счастливым. Но только на мгновение. Ощутимо сжималось кольцо, трещали, шипели огромным клубком змей микроладошковые радиостанции, булькали в эфире радостные позывные. Весь этот шквал, на всех полутора десятках частот, я втянул в свою душу, услышав разом все слова и ответы... Одновременно столько цифр и жестких междометий никогда не доводилось слышать.

Я был загнанным зверем, ничто не могло спасти меня, кроме отлично тренированных ног. Я уходил, не оставляя отпечатков в серых лужах.

Хорошо, что вовремя успел избавиться от ножа. Жаль только, что руки вымазал в крови.

И еще жаль себя – пропаду ни за что...

Я выгадал секунду, чтобы склониться над серостью лужи и отмыть руки от чужой венозной крови, после чего припустил, выкладывая последние силы. Получить ни за что ни про что лет 25 тюрьмы не входило в мои планы.

...А началось банально. Ко мне подошли двое – худой чернявчик, весь в щетине, даже на лбу, и другой – приплюснутый, еще более щетинистый, но его не разглядел. Они просто сказали: «Эй, парень, нашему приятелю стало плохо, он немножко потерял сознание, сердечник, такие дела... Придержи его, а мы сейчас „Скорую“ вызовем!» И я, незамысловатый товарищ, согласился. Видно, у меня физиономия такая: никому отказать не могу. Прислонили они ко мне своего друга с закрытыми глазами, дотасил я его до скамейки, усадил, если так можно выразиться в отношении бесчувственного тела. Двое ушли, бросив на ходу, что через минуту вернутся. Я запоздало крикнул: «Кто-нибудь один останьтесь!» Но незнакомцы не отреагировали. Тут я стал понемногу соображать, туговато, правда. А что, если эти кореша просто спланировали на меня своего сердечника? Подозрения мои усилились, когда я обнаружил в кармане своего пальто окровавленный нож. Да, уважаемые господа, полез за сигаретами и наткнулся на посторонний предмет. Чуть руку не располосовал. Пока я разглядывал оружие, сердечник пустил из-под куртки струйку. И вот тут-то я окончательно догадался, что парня прирезали. Вместе с этой догадкой раздался крик: «Человека убили!» Да, именно в это мгновение я понял, что влип. Навстречу бежали милиционеры. На ходу они деловито доставали свои пистолеты. «Сматывайся!» – будто кто-то посторонний отдал мне приказ. Я швырнул в сторону нож и рванул со всех ног. Мне, конечно, кричали в спину «Стой!», стреляли, и это придавало мне уверенности в избранных действиях.

Очухался я на пыльном чердаке. Не знаю, почему провидение вынесло меня именно в это голубиное место, но именно оно спасло меня. Из круглого оконца я отследил траекторию удаляющихся стражей порядка, их государственные ботинки гулко отбарабанили по мостовой – и более своих преследователей я не видел. Это принесло мне временное успокоение, поверьте, я был даже счастлив. Потому как в противном случае сидел бы в наручниках, с вывернутыми назад кистями, с малость набитой рожой и перспективой на долгую отсидку.

Ах, какой же я дурак! Никогда больше не буду помогать людям! Я, честнейший человек, не обидевший и мухи, стал кровавым преступником, разумеется, в глазах этих милиционеров. Возможно, они хорошие ребята, даже скорее всего хорошие, наверное, им уже попало за то, что они не поймали меня. Но они же не виноваты, они не знали, что я очень крутой профессионал, а на бегу я им просто не успел об этом сообщить.

Соблюдая меры предосторожности, я спустился по сырой лестнице, вышел на улицу. Навстречу мне блеснула фарами машина. У меня все оборвалось внутри: милиция! Каскад огней на крыше: пиликанье и вой сирены. Как угорелая она промчалась мимо. И слава богу.

Дворами я дошел до «Полежаевской», нырнул в устье метрополитена. В конце концов, до того как составят мой фоторобот, пройдет определенное время, и я могу чувствовать себя в относительной безопасности.

В памяти всплыло никчемное имя Аслахан. Так приплюснутый называл своего долговязого товарища.

Я вышел на «Проспекте Мира», суетливые москвичи уступали мне дорогу – я ведь тот еще амбал. Мастер спорта по многим восточным единоборствам. Спецназ погранвойск – это вам не хухры-мухры. А вообще-то я мирный человек. Люблю «оказывать помощь». И вот сейчас я пересек проспект Мира, глянув на церквушку, мысленно поблагодарил бога, обошел полукружье спорткомплекса, по трамвайным путям почапал вниз. Путь мой, друзья, лежал к зданию тюремного типа, гостинице ЦДРА – временному моему пристанищу. Приехал я в столицу с западных рубежей украинского государства всего лишь с одним чемоданом и сумкой. Все остальное пришлось бросить или раздарить своим бывшим (теперь уже бывшим) сослуживцам – Петренко, Савчуку, Гринюку, Лабуненко и другим. Они остались, я получил документы о разводе и еще кучу каких-то маловразумительных справочек, документиков, проштампованных записочек. После чего мне, как политически неблагонадежному, дали под зад с пожеланием поскорей вытуриваться из Незалежной Республики Украина. Невзирая на

мое этнически приемлемое ФИО: Раевский Владимир Иванович. Это я. Без выходного пособия. Без определенного места жительства. Образование – высшее. Без вредных привычек. Без гроша в кармане. Приехал я, как понимаете, устраиваться на работу в российские погранвойска. Теперь эту мысль я могу выбросить подальше.

Показав гостиничную карточку, я взбежал на третий этаж, швырнул в сумку зубную щетку и мыльницу, туда же сунул военный бушлат, надел джинсы, свитер и черную кожаную куртку. Теперь я ничем не отличался от среднестатистического москвича. Потом я разыскал дежурную, сказал, что уезжаю. Она дотошно проверила, не спер ли я простыни, полотенце, остатки туалетной бумаги, и поинтересовалась, почему я выезжаю до срока. Я не ответил. Меня всегда шокирует, когда демонстративно дают понять, что считают тебя нечистым на руку.

Не оглянувшись, я вышел, толкнув монолит огромной двери. Холодная бронзовая ручка остудила мою ладонь, сырой ветер ударил в лицо. Шел мокрый мартовский снег. Со стен домов взирали юный президент России Медведев и Владимир Владимирович, с мудрой отеческой улыбкой на устах...

И только тут я осознал, что мне некуда идти. Домой, во Владик, ехать опасно. Вычислят. Да и денег нет. На вокзале ночевать опасно. Остается только чердак или подвал. Так и сделал. Потянуло меня на окраину. Название станции метро «Красногвардейская» показалось мне достаточно благозвучным, я спустился по эскалатору и через сорок минут был на улице Мусы Джалиля. Вообще-то цель я имел конкретную: дом, где жили академики. Только не те, которые двигают науку, а которые ее вкушают – слушатели военных академий. Однажды я был в этом доме: пригласил старый товарищ по Афгану. Мы выпили водки, помянули погибших друзей. Сейчас Сашка где-то в Таджикистане, на афганской границе. Он бы, конечно, меня спрятал. Даже если бы я и в самом деле пришел того «сердечника». Кровное афганское братство дружбу ставит выше нравственных запретов. Хотя законы дружбы сами по себе – высшая нравственность.

Подъезд был все таким же грязным и заплеванным, с обязательным ругательством из трех букв на стене. Чердак в доме никогда не закрывался, как бы приглашая бедствующих и одиноких. Чтобы не светиться, я поднялся по темной лестнице на шестнадцатый этаж, ступени шли еще выше, затем – стальная стремянка на крышу. Дальше я не полез, остановился в маленьком закутке. Именно здесь я решил провести ночь в компании с сумкой и чемоданом.

Неожиданно мой обострившийся за последние часы слух уловил что-то среднее между сопением и посвистыванием. Потом послышалась возня, я мгновенно выудил зажигалку, щелкнул. Неверный ее свет высветил длинноволосое, бородатое существо. Глаза незнакомца смотрели хитро и выжидающе.

– Не промахнулись ли этажом, любезный?

– Нет, – буркнул я. – Ты кто такой?

– Карл Маркс!

– Очень приятно, тогда я – Энгельс. Фридрих.

– Зря насмехаетесь, сударь. Не позднее чем завтра утром вы сможете убедиться, что я не погрешил против истины. Меня действительно зовут Карлом Марксом.

– Похож, – вынужден был сознаться я.

– Да, мне все об этом говорят, – вздохнул мой неожиданный собеседник.

– И как вы к этому относитесь? – решил я осторожно прощупать его.

– Вполне спокойно... Сейчас меня уже давно не трогают, а раньше, – «Маркс» понизил голос, – несколько раз на Лубянку вызывали. Сбрей, говорят, бороду. А то посадим... А я не сбывал. И они отступились. Кагэбэшный генерал даже сказал мне откровенно: «Уважаю мужественных людей. А то эти диссидентствующие хлюпики – чуть прижмешь их, сразу начинают стучать друг на друга...»

На меня обрушилась информация, которой, увы, я не знал, как распорядиться.

– Да вы присаживайтесь. Угостить, правда, нечем, но места всем хватит.

Я не стал кочевряжиться, сел на чемодан и с тоской приготовился к долгим разглагольствованиям своего соседа.

Однако он молчал. И тогда я решил поинтересоваться:

– И давно вы здесь живете?

– Вы имеете в виду в частности или в общем?

– В частности, – ответил я, чувствуя, что Карл Маркс заманивает меня в ловушку.

– Это один из моих апартаментов. Зимой я также ночую в подвале. В нем тепло, уютно, правда, иногда крысы беспокоят. Но я приучился не обращать на них внимания. С тех пор, как меня похоронила жена, я стал абсолютным оптимистом. Человек, не имеющий своего дома, подобен кораблю без якоря. Он счастлив, свободен и романтичен.

– Вы считаете себя умершим? – спросил я романтика.

– Отнюдь. Это моя бывшая супруга несколько поторопилась. Но я не в обиде. Ее карма практически не подпитывается из Вселенной. Я вовсе не хочу ей зла. Любая агрессия, молодой человек, имеет свойство бумеранга, она возвращается в совершенно неожиданный момент, в совершенно причудливой форме. И лишь обращение к богу способно очистить все уровни вашей души... Но это долгая тема, – прервал себя мой собеседник.

– Ваша жена хотела вам зла? – спросил я.

– В принципе, нет. Она совершила убийство по неосторожности, сбила человека. А я не мог допустить и мысли, что моя нежная и хрупкая попадет на тюремные нары. Я взял ее вину на себя. Меня осудили на шесть лет. После этого я ее ни разу не видел.

– Она даже не просила свидания с вами? – удивился я.

– Значит, не было такой необходимости. Нельзя принуждать душу к обману. Мы не можем быть полновластными хозяевами своей судьбы, но можем распоряжаться своими поступками. Когда я сел в тюрьму, я почувствовал такое умиротворение, какого никогда не испытывал в жизни. Я понял, что прошел очищение... Моя бывшая супруга продала квартиру и уехала с сыном в Соединенные Штаты. У нее там друг. Обо всем этом узнал мой адвокат, человек, который прямо светится порядочностью. Он стал бороться за меня, как за истину. Благодаря ему через полгода меня выпустили. Но я потерял дом, место в университете, где читал экономику, оно оказалось занятым лучшим другом, и мне предложили прийти позже, но не указав при этом дату... Вот так, любезный мой сосед, я и стал самым свободным человеком. Свободней может быть только покойник. Как сказал мой тезка, правда, не в отношении мертвецов, каждый шаг вперед по пути культуры – это шаг к свободе. А у вас, ради бога, простите за назойливость, проблемы с Уголовным кодексом РФ?

– Да нет, – уклончиво ответил я. – Поругался с женой, ушел из дому.

Я уже освоился в темноте и заметил, что сосед иронично усмехнулся.

– Чтобы вы знали, молодой человек, все мужья идут ночевать в подобных случаях на вокзал. По крайней мере, так было раньше. А вы явно от кого-то скрываетесь, почему и выбрали долгий путь по лестнице.

«Черт бы побрал этого пронизательного бомжа!» – подумал я.

– Зря вы все чертей упоминаете! – вдруг сказал Карл Маркс.

У меня поползли по спине мурашки: он прочитал мои мысли.

– А вы не боитесь меня в таком случае? – спросил я холодно.

– Нет, у вас чистая карма, и вообще, вы мне нравитесь. А в ситуацию, в которой вы оказались, попали чисто случайно и, как я вижу, виновным себя не считаете.

– Еще бы, – сказал я и поинтересовался: – Вы ясновидец?

– Ясновидцев как таковых нет. Есть люди, которые способны вторгаться в информационные поля предметов, людей, сущностей... Но это особая и деликатная тема.

«Послал бог собеседника», – подумал я аккуратно, не зная, радоваться мне или огорчаться.

Я вытащил из сумки камуфлированный бушлат, постелил на пол, улегся и неожиданно признался:

– Три часа назад за мной гнались милиционеры. Слава богу, они плохо стреляли. Я бы с такого расстояния замочил наверняка. – И в подробностях рассказал свою нелепую историю, заключив глуповатой фразой: – Хотите верьте, хотите нет.

– Я верю, – задумчиво отозвался сосед. – Я понимаю, почему вы решили скрыться.

– Мне ничего не оставалось делать.

– Если бы вы не бросили нож, а сумели его надежно спрятать, им труднее пришлось бы доказывать вашу вину. А теперь ваши отпечатки пальцев – главная против вас улика.

– Спасибо, знаю... И поймите, это первая реакция человека, который вытащил из своего кармана окровавленный нож.

– Безусловно...

– Безусловно... – передразнил я его. – Интеллигентствующие бомжи, карлы марксы, за какие грехи свалилось все это?

– Отвечу вам, но не обижайтесь, – очень мудрым голосом изрек мой знакомец.

Наверное, он сумасшедший.

Я тоже чокнусь. Мои нервы не железные. В Афгане я по пять суток не спал. После горных рейдов я приходил живой мумией. На мне демонстрировали «расположение мышц на теле мужчины». После того как я отсыпался, отъедался, мой напарник по единоборствам уходил в рейды, а я проводил очередные занятия по рукопашке. Потом возвращался мумиеобразный мой товарищ, и все происходило с точностью до наоборот. То есть я уходил в засады, а друг мой, отоспавшийся, продолжал курс занятий.

И это была жизнь. Я знал свою цель.

Кремлевские дедули неторопливо решали проблемы с окончанием афганской эпопеи. Мы тоже хотели ее конца. И знали, что от нас это не зависит, даже если половина моджахедов срочно запросит мира. Другая половина воевала бы с двукратным ожесточением.

А сейчас судьба предлагает мне стать вольным ветром помоек. Можно даже поменять свою фамилию: например, Никтошенко, Нафигпофиков, Шлямбрус-Подзаборный...

Бедный мой прапра-Раевский. Блестящий дворянин, герой всех войн эпохи, кумир пиитов, женщин и солдат... А кто я? Капитан с неясным прошлым позорной войны. Человек, которого ищет милиция! А еще мне фигурально дали под зад из самой Незалежной Республики Украина.

Мне приснился сон. Я, разумеется, в гусарском долмане, у меня закрученные к потолку (а там сияние хрусталя) усищи, я только что высосал полфлакона шампанского, не считая пузыря отборнейшей водчонки (икрой не закусывая), на меня тарашатся княгини и княжны, графини и графושечки Волконские, Татищевы, Долгорукие, Толстые (весьма худые), Румянцевы, Оболенские, а также премиленькие чернявки-багратионочки. И я точно помню, что с их папой мы хорошо пропахали не один французский редут. И вот без тени сомнения я выхожу на круг, взор мой пылает, я чувствую, никто не устоит, всех бы красавиц уволок, но, блин, французский этикет не позволяет, и терплю, сжимая зубы, вывожу на менюэт красавицу Победоносцеву... Я шепчу ей на ухо жаркие непристойности, она жгуче краснеет, но не отталкивает меня. Потому что – этикет... Я все же договариваюсь о randevу, она еле заметно кивает, и я, блин, просыпаюсь.

А напротив меня – Карл Маркс собственной персоной. Он говорит-шепчет о тонкостях своего нынешнего бытия, я плохо улавливаю слова... «Все мы отвечаем за грехи в прошлой жизни... Иногда милиция тревожит... забирают... отпускают... палатка... загрузишь... выгрузишь... хлеб насущный...»

И вновь на меня обрушиваются блеск и шум бала, сверкание бриллиантов на чудных вырезках дамских окружностей... И вновь я герой счастливой войны, и жемчужная щечка жаждет щекотки моих курчавых бакенбард...

Утро настало – скучное и нелепое. Нас, забывшихся на цементе, разбудило создание с правильными чертами лица. В одной руке она держала ведро, во второй – помело. Она была красива, как только может быть красива дворничиха-женщина.

– Карл Маркс, – сказала она, – ты меня вынуждаешь!

– Лидусик! – вдруг запел мой визави. – Ты хорошо выглядишь. Твои добрые глазки соперничают со взором Сикстинской мадонны!..

– Не надо ля-ля! – оборвала она, видно, уже не новые для нее любвеобильные постулаты. – Сейчас вызову милицию, и будешь им рассказывать свои байки.

Но видно было: девушке приятны слова нечесаного бомжа. Наверное, в грустной ее жизни редко доводилось слушать добрые слова, тем более – такие сочные восхищения.

– Ладно! – вскричал мой новый товарищ. – На корабле нашей жизни – подъем!

Я нехотя встал, меня, конечно, покорило слово «милиция», я вовсе не разделял игриности Карла Маркса.

Кстати, я уже и в мыслях стал так называть его. Приклеилось.

– Пошли на работу! – сказал он и предложил помочь нести сумку.

Я удивился: тоже мне, свободный люмпен с утра на «пахоту», как завзятый чиновник... Но ничего не сказал. Решил понаблюдать.

Мы пришли к типовому московскому универсаму, КМ обогнул его стороной, вошли в грязный, захламленный двор.

– Расплачиваются здесь водкой и колбасой, – пояснил он. – Иногда и пить не хочется, а суют, никуда не денешься. Сейчас Дарья выйдет...

Он не договорил, потому что вышла крупная женщина, прищурилась, усмехнулась:

– Ну что, Карлик-Марлик, дружка на подмогу привел? Крепкий, таким полставки платить надо: пальцем шевельнет – и все готово...

Видно, на моем лице отразилось непонимание, и Дарья тут же успокоила:

– Клиент не понимает шуток... Не переживайте, мальчики, все будет... Машины приедут через полчаса.

Она ушла, я сел на чемодан и призадумался.

– Не горюй! – успокоил меня КМ. – Никто тебя не тронет. Забомжуем, никаких проблем... Ты, кстати, женат?

– Разведен, – буркнул я.

– Без комментариев! – резюмировал мой новый знакомый.

Дневной свет преобразил его. Огромная нечесаная грива, рыжеватая борода, огненный взор – сходство было потрясающее, как будто он только что вышел из трехглавого портрета классиков вечно живого учения.

– Всю свою сознательную жизнь я занимался экономикой, учил студентов, стал доктором наук, профессором. Я прочитал все книги по экономике и в один прекрасный день понял, что дело моей жизни – химера, что не может быть экономики социализма или капитализма. Экономика есть или ее нет. «По потребностям, по способностям» – все это глупая фантастика. Рынок – вот глобальный закон жизни. Однажды эти крамольные мысли об экономике развитого социализма я, будучи выпивши, высказал коллеге. Он тоже был крепко нетрезв и со слезами и объятиями поддержал меня. Потом мы целый месяц избегали друг друга. Было боязно и тошно. Позже его пригласили читать лекции в Гарвард. Подозреваю, для хохмы...

Наконец приехал «КамАЗ» с контейнером. Тут же появилась Дарья-хлопотунья, сунула нам по паре рукавиц и отправила на разгрузку. Я не подозревал, что мороженые свиные туши

могут быть такими тяжелыми. Мы таскали их целый час, а потом Дарья, задорно сверкая глазами, вынесла две буханки хлеба, круг колбасы, кусок сыра и бутылку водки.

– Сейчас распечатаем или на вечер? – вежливо спросил Карл Маркс.

– Не надо оставлять на вечер то, что можно выпить утром, – сказал я, хотя никогда не употреблял раньше двенадцати.

Просто мне хотелось забыться. Вчерашнему блестящему офицеру-пограничнику, орденноносцу – и одним махом оказаться в бомжах. Никакая психика не вынесет. Вот профессор – это натура. Мужчина! Надо спросить, встречал ли он своих бывших студентов...

Мы позвали Дарью. Она, оглянувшись, пропустила полстаканчика, отщипнула кусочек хлеба, проглотила торопливо и сказала:

– Не уходите пока, ребятки. Еще машина придет – с сахаром-песком.

Она потрепала меня по волосам, вздохнула, видно, хотела меня пожалеть, да побоялась обидеть.

Дарья предложила взять мой чемодан и закрыть на складе. Я тут же согласился. Один только его неприкаянный вид разрывал душу в лохмотья, напоминал о моем паскудном положении.

К обеду мы разгрузили вторую машину. Дарья принесла нам по пачке кефира, кусок датского сыра, две банки тушенки, две бутылки пива, которые мы тут же и выпили. Потом мы разгружали фургон с картофелем в сетках. Мы так наловчились, что справились за полчаса, побросав его на конвейер.

– Ну что вам – деньгами или натурой? – спросила Дарья.

– Натурой! – сказали мы в один голос, понимая, что продуктами будет выгодней.

Тем более профессор уже все давно просчитал. Рынок – закон жизни. Ты – мне, я – тебе. Неси дальше – получай больше.

Мы получили две свои бутылки, килограмм одесской колбасы, пару банок каких-то консервов и двухлитровую бутылку с минералкой на запивку.

– Что ж ты, непутевый такой, без дому? – спросила она меня на прощание. – Взяла бы к себе, да слишком уж ты молодой.

– Профессора возьми, – посоветовал я.

– А ну его! Шибко грамотный. Мне такие не нужны.

– А я и сам не пойду. Я человек вольный... – гордо ответил он.

Две ночи подряд на одном месте КМ никогда не ночевал. Это был один из его принципов. Поэтому мы направились в подвал.

– Очень уютное местечко, – предупредил меня КМ.

И действительно, подвальчик был что надо: теплый и сырой, как болото для крокодилов. Вдоль стен тянулись кабели, в трубах журчала вода, и у меня появилось ощущение, будто я нахожусь в чреве гигантского организма. Мы присели на корточки, расстелили на газете снесь, профессор достал из своей котомки перочинный ножик, аккуратно разрезал колбасу. Я разлил водку в пластмассовые стаканчики, мы беззвучно чокнулись и выпили. Ни у кого и в мыслях не было произносить тосты. Бомжам не нужны надежды. Они умеют радоваться одному дню и умирают в один день без подготовки.

– Вот ты профессор, доктор наук, – начал я. – Неужели всю жизнь будешь маяться возле универсама?

– Буду! – прожевав колбасу, убежденно ответил КМ. – Дело моей жизни потерпело фиаско. Я преподавал мертвую науку. А теперь на своей шкуре постигаю законы рынка. Вместо университета – универсам! Поработал – получил. Товар – деньги – товар. В нашем случае еще проще. Работа – товар – работа... Я искупаю грех.

– Но ведь ты можешь читать экономику Америки или Швейцарии... – предложил я профессору.

– Сказал же: искупаю грех!

Я заметил, что нет в жизни счастья, и снова налил. В этот момент меня потянуло на откровения, я стал рассказывать о своих похождениях в Афганистане, не сильно ударяясь в детали. Поверьте, они были настолько фантастичны, что я не рискнул приводить их профессору. Вам, безмолвный мой читатель, я расскажу о них как-нибудь позже – уж вы-то, искушенный, не посмеете усомниться в моей честности.

КМ кивал головой и все волновался, что я плохо закусываю одесской колбасой. Право, эта беспризорная мужская чуткость растрогала меня почти до слез. Какое-то время я жевал, а профессор рассказывал о своей поездке за океан, в страну милитаризма и агрессии США. Он тоже старался не приукрашать, видно, для того, чтобы не поранить мой шаткий патриотизм. Но я сказал:

– Профессор, какие дела! Американцы – мои давние враги по Афгану, можете ругать их смело! Тем более они сейчас наступили на те же грабли...

КМ обнял меня и сказал, что, несмотря на свое тайное диссидентство, он яро сочувствовал былой афганской эпопее.

Мы выпили всю водку и очень подружились. Потом незаметно уснули. Утром мы, как исправные служащие, отправились на работу. На заднем дворе универсама назревал опасный конфликт. Дарья не пришла, зато мы увидели четверых жлобов. Они сидели на огуречных бочках, курили и плевались. По внешнему виду они напоминали алконавтов.

– А вот и Карл Маркс! – воскликнул самый прыщавый из них.

– Пришел на службу! – вторил другой, с длинными руками и черствым лицом. – Катись колбасой!

– Вот так сразу? – удивился я некультурному обращению. – Профессор, вы их знаете?

– Пойдемте от греха подальше! – тихо сказал КМ и торопливо задергал меня за рукав. – Сегодня нам не удастся подзаработать. Это мафия. Они сами будут разгружать...

А я настроился на работу. Только судьба давала мне крохотный шанс, как тут же бесцеремонно его отбирала. Жлобам хватило пронизательности, чтобы заметить, что я медлю.

– А тебе, гусь, особое приглашение надо? – нагло поинтересовался прыщавый. – Эй, Маркс, это твой дружбан?

– Я не гусь, – сказал я.

– Так почему же такой непонятливый? – Это зашевелился самый крупный из четверых, размером с трехстворчатый шкаф. – Топай отсюда, бомж протухший. Вонючка.

– Сам ты вонючка, – сказал я, обидевшись.

КМ отчаянно тормозил мой рукав:

– Пойдемте, не надо связываться.

Я продолжал упрямо стоять. Трехстворчатый лениво поднялся, притворно зевнул и враскачку направился ко мне. Подойдя, он ухватил меня за грудки, моя кожаная куртка затрещала. Я сумел вырваться, тут же возле моего уха просвистел кулак. Верзила озадаченно посмотрел на меня и ухватил поперек туловища – меня словно зажали в тисках. «Пусть потешится», – подумал я мимолетно, как человек, привыкший к временной боли и унижениям. Так как руки мои крепко удерживались, я с размаху впечатал свой лоб в носовую часть верзилки. Он тут же ослабил хватку, и я жестоко ударил его под коленку, потом добавил несколько хлестких ударов в голову и прилегающие части тела. А тут и остальные бросились ему на подмогу. Но, честное слово, они только мешали друг другу. Знаем мы эту солидарность алкашей. Они разлетелись у меня в стороны, как треснувший веер. Трехстворчатый рухнул на бочку, разрушив ее до основания. Огурцы разлетелись на сто метров. Собирала их потом вся орехово-борисовская алкашня.

Карл Маркс жал мне руку и что-то кричал о торжестве справедливости. Но я с негодованием отмел поздравления, потому что так и не разглядел противника.

Враги ретировались, и поле битвы, а также трудовой деятельности осталось за нами.

И тут я почувствовал, что меня пристально разглядывает человек в кашемировом пальто. Разгоряченный, я хотел и ему настучать по роже, но он быстро опередил это желание.

– Спокойно, парень, я не работаю грузчиком.

– Я догадался...

– Ты отлично рубишься!

Я не ответил и отвернулся. Сейчас предложит какую-нибудь гадость. Например, спалить ночью киоск соседа.

– Могу предложить работенку почище этой.

– Опрокинуть пару ларьков? – сказал я, кивнув неопределенно в сторону.

Человек от души рассмеялся:

– Зачем? Они ведь все мои... А задача простая – охранять мое хозяйство от набегов монголо-татар.

Я смерил взглядом незнакомца. Глаза его смеялись, губы же сохраняли твердость. Кажется, он был постарше меня. Раздражал его белый шарф, он контрастировал с красным, будто обветренным лицом. Ни за что более мой взгляд не зацепился: средний рост, крепкие плечи, темные волосы с редкой проседью. Человек-стандарт.

– Только охранять? – спросил я, дождавшись, когда глаза хозяина «точек» потухнут.

Он пожал плечами:

– Конечно, а что еще?

– Ну, замочить кого-нибудь.

Незнакомец усмехнулся:

– У тебя извращенные понятия о маркетинге.

– Только не надо пугать, – буркнул я и почувствовал острое желание согласиться.

– Для начала тысяча баксов в месяц хватит? – спросил он, чувствуя, что большего не попрошу.

– У меня товарищ, – заметил я, вспомнив о КМ.

– А у меня не фонд милосердия. Хочешь – помогай. Уставом малого предприятия не запрещено.

– Ладно, черт с тобой, – согласился я как можно развязней. – Согласен...

– Только вот фамильярности уже не надо, – тут же предупредил хозяин.

Мы сели в новую «девятку», профессор остался за бортом, он жизнерадостно вычесывал бороду, а я чувствовал угрызения совести. Я думал, что мы куда-то поедем, но хозяин и не подумал заводить машину. Он спросил, есть ли у меня какие-нибудь документы, я показал не сданное когда-то удостоверение офицера погранвойск. Его восхитила маленькая предупредительная надпись: «Комитет государственной безопасности СССР». «Раритет!» – оценил он. Пришлось рассказать, что ушел из дружеских вооруженных сил по идейным мотивам, здесь еще не приткнулся. Решил подзаработать на билет до Владивостока, где живет моя мама. Ответ вполне устроил.

Шеф представился Сашей, сказал, что никаких договоров подписывать не будем, работаем на доверии, расчет в конце месяца «налом». Трудиться пока предстояло в ночную смену – с нуля до восьми часов. Предусмотрены премиальные с дохода. За нарушения дисциплины – «гибкая система штрафов»...

Сунув двести долларов, он приказал быть сегодня в одиннадцать вечера на инструктаже.

На эти деньги мы с КМ купили по дешевке пряного лосося, водки и, допив жгучие капли водки, погрузились в споры об античной философии. Профессор, конечно, был непревзойден. Он знал все. Я только блеял и хотел казаться умным. Память у меня великолепная. Я могу привести все дефиниции, прозвучавшие в нашем разговоре, могу заверить, что античность

только с виду загадочна. Короче, профессор положил меня на обе лопатки, мне захотелось пойти в кассу и от тоски душевной купить билет на остров Врангеля...

Я никогда не прогибался. Но, как и обещал, я вышел на дежурство. Меня инструктировали – я кивал, от меня требовали честности – и я грубо напоминал, что я офицер погранвойск, а не лимитная дешевка из Великих Поросюков. Мне сделали первое замечание за спиртной запах изо рта, а я сказал, что трезвенником не был, но и на работе пить привычку не имею.

Итак, меня оставили, вручив резиновую дубинку, свисток и удостоверение охранника третьей категории. Наверное, это что-то вроде ефрейтора.

Продуктовые магазинчики, лавки, киоски сияли, внутренняя иллюминация подсвечивала гадкие иностранные бутылки всех сортов. Толстые продавщицы лениво поджидали покупателей. Теперь они должны были стать моими друзьями...

Прошло время. Не годы, конечно, а дня три. Ночами я слонялся вокруг магазинов, распугивая своим угрюмым видом потенциальных воров. Рэкетнуть меня не пробовали, видно, все было давно улажено и приведено к общему согласию еще до меня. Отсыпался я днем вместе с профессором. Он, добрая душа, помогал мне охранять, а я делился с ним куском хлеба. Иногда и ему удавалось подзаработать. Конкуренты уже не задевали его. Они боялись меня, потому что я, ко всему, занял более высокую социальную ступень.

Однажды после бессонной ночи я вновь отправился на чердак, где впервые ночевал вместе с профессором. Он пошел на заработки, а я завалился на свой матрас, который купил по дешевке. В отличие от моего товарища, я никак не мог свыкнуться с бомжеванием и твердо решил снять у какой-нибудь старушки уголок. Но в эти планы жизнь внесла коррективы.

Меня грубо растолкали. Протрав глаза, я увидел двух сержантов милиции.

– Подъем! – рявкнули мне в ухо.

Я нехотя встал, подхватил сумку.

– Пошли с нами.

Во дворе меня усадили в машину с решеткой. Но прежде чем захлопнулась дверь, я увидел четырех негодяев. Они посасывали пиво из бутылок и откровенно ухмылялись.

Я все понял и почувствовал, что руки стали липкими, как в тот раз, когда я испачкал их чужой кровью. Повязали!

В отделении меня обыскали, долго изучали украинский паспорт, просроченное удостоверение, сличали меня с фотографией. Дежурный офицер в чине капитана глянул на меня как на придурка:

– Не понимаю, ты капитан, а ночуешь как бич.

«Подбирается к основному вопросу», – подумал я и без энтузиазма начал повествование своей несчастной жизни:

– Меня уволили на Украине, приехал в Москву искать место. Пока тянули, деньги кончились. Сейчас подзарабатываю, чтобы добраться к матери во Владивосток.

Капитан покачал головой, на его лбу отпечаталась характерная красная полоса от фуражки. Совсем недавно и у меня была такая отметина, поэтому я почувствовал симпатию к офицеру.

– Ну, вот как тебя отпустить? Грубо нарушаешь общественный порядок. Сдадим тебя в комендатуру, пусть разбираются.

– А мы к военным отношения не имеем! – гордо заявил я. – Лучше позвоните в управление кадров погранвойск и скажите, в каком бедственном положении вы меня обнаружили.

Капитан помялся, стал созваниваться и через некоторое время получил ответ: «Действительно, в журнале зарегистрирован капитан запаса Раевский Владимир Иванович. Находится в распоряжении управления кадров».

– Сказать им, что ты на лестнице ночуешь? – прикрыв трубку рукой, спросил капитан.

– Говори, – махнул я рукой. Мне было все равно. Я знал, что со службой все покончено.

И он сказал. По его лицу я понял, что моя судьба не тронула функционера на другом конце провода. Милиционер положил трубку.

– Твой вопрос решается... Такого бардака, да еще в погранвойсках, никогда не было, – глубокомысленно изрек он. – Ступай себе на все четыре части света, и чтоб больше я тебя не видел.

Он протянул мне руку, и я схватил ее как самую дорогую награду. Ведь с самого начала был уверен, что повяжут за тот нелепый станционный случай.

– Да, кстати, – вдруг остановил капитан, – ты когда в Москву приехал?

– Семнадцатого марта, – не стал врать я, ведь билетики аккуратно лежали в удостоверении. Я еще надеялся выгадать за них деньги.

– А в какой гостинице жил? – продолжал как бы невзначай интересоваться дежурный.

– В ЦДРА.

– И двадцатого марта там жил?

– Жил, у меня и квитанция сохранилась, – ответил я и похолодел: именно двадцатого зарезали неизвестного мне мужика, и именно в этот день я досрочно выехал из гостиницы.

– А ну, покажи!

Я снова достал бумажник, небрежно улыбаясь, раскрыл его, достал квитанцию, вручил широким жестом. Шансов у меня не оставалось. Ни с того ни с сего выезжаю из оплаченной гостиницы, ночую на чердаках. И юридического образования не надо: все ясно.

– Оплачено по двадцать четвертое... В этот день ты и выехал, так?

– Так... – немнущимися губами ответил я.

– А двадцатого, около восемнадцати часов, ты где был? – продолжал загонять меня в угол милиционер.

– В номере.

– И никуда не выходил?

– Нет. Разве что в продуктовый магазин выскакивал.

– А что – буфеты не работали?..

– Там цены дорогие, – буркнул я. – А в чем вопрос?

– Да так, формальность, – ответил капитан. – Что-то вроде тестирования.

Больше он меня не задерживал. Я вышел, глубоко вздохнул. Морозный воздух опьянил меня. Я понял, что патрули, которые стреляли по мне, к счастью, разглядели толком лишь мой военный бушлат. А такие по Москве каждый третий бомж носит.

Я пожалел, что съехал из гостиницы. Может, судьба моя сложилась бы по-иному? Что-то надломилось во мне за эти последние месяцы. Рухнула держава, вслед за ней рассыпался гигант, которому не было равных в мире, – Комитет государственной безопасности. Откуда-то появилась масса пройдох, они вылезли на ключевые посты и готовы были снять штаны, лишь бы угодить американцам и прочим демократическим друзьям.

Я отказался служить там, где Россию назначают стратегическим противником...

Я ухожу в услужение мелким буржуям, буду охранять их дерьмовые магазины и ларьки с продуктами и иностранным товаром. Надеюсь, меня не попросят присягать на верность боссу.

– Где ты пропадал? – сурово встретил меня Саша, сверля нерусскими глазами.

Сегодня он был в кожаном пальто.

– В милиции.

От удивления Саша открыл рот.

– Какого черта ты там делал?

– Мне кажется, ты начинаешь хамить.

– Извини, – не очень любезно произнес он.

– Меня сдали мерзавцы, которые ошиваются возле гастронома. К сожалению, на те дерьмовые деньги, которые ты мне платишь, я не могу снять квартиру.

Саша неприязненно посмотрел на меня и сквозь зубы процедил:

– Ну что ж, в таком случае нам придется расстаться. – Насладившись эффектом (впрочем, я и виду не подал), он продолжил: – Я продаю тебя очень влиятельному человеку. Но если ты будешь много болтать и выражать свои дурацкие эмоции, тебя закопают.

– А ты не спросил моего желания?

– В данном случае оно ни к чему, – усмехнулся Саша и похлопал меня по плечу.

Я тоже его похлопал, а потом помог подняться с земли.

Итак, меня продали. Фирма находилась на одной из свежевосстановленных в названии улиц в центре. На стене висела бронзовая табличка: «Акционерное общество закрытого типа „ИМПЕРИЯ“».

Перед смотрящими вертлявый молодой человек, которого я толком не разглядел, предупредил, что вопросы Вячеславу Викторовичу задавать нельзя. Все, что необходимо, сказал он, тебе объяснят. Надо только слушать и отвечать, когда спрашивает хозяин.

– Тем не менее у меня будут вопросы, – сказал я.

Вертлявый поморщился.

– Я тебя предупредил!

– Я тебя тоже...

Мой новый хозяин, Вячеслав Викторович, плотный человек в свободного покроя кремовом костюме, под которым скрывалось пузырчатое брюхо, выглядел лет на пятьдесят. На огромной его лысине доживали век черные волосы с проседью, кустистые брови выдавали жесткий характер. Разговаривал он негромко, но энергично, нажимая на глаголы. Несмотря на грузность, Вячеслав Викторович отличался непоседливостью, и молчаливые охранники в кожанках запоздало лавировали своими телами, угадывая каждое движение драгоценного туловища босса. Так его никто не называл, лишь я, и то мысленно.

Вячеслав Викторович стоял на алой ковровой дорожке и беседовал с миловидной женщиной лет сорока. Почти через равные промежутки он раскатисто хохотал, женщина вынужденно улыбалась.

Саша стоял рядом со мной и почему-то нервничал.

Наконец босс отпустил женщину и повернулся к нам. Саша побледнел.

– А, это ты, – сказал босс, как будто только что увидел Сашу. – В следующий раз объективной причиной станет запланированный переход в мир иной. Надеюсь, ты понимаешь меня, Альхен. Подселение сделаем по всем правилам.

Из этого монолога я ни черта не понял и стал внимательно следить за ушами моего бывшего хозяина. Интересное дело: сам бледный, а уши бордовые.

– А-а, это твой украинский пограничник? – спросил босс уже другим тоном и насмешливо глянул на меня снизу. – Совсем плохи дела у соседей...

– Меня уволили как политически неблагонадежного. За пророссийские настроения.

Он пригласил меня в кабинет, предложил сесть в фиолетовое кресло, я утонул в нем по самые уши. Босс прыгнул в кресло и стал еще выше.

Мне показалось, что хозяин нажал тайную кнопку под столом.

Появилась миниатюрная блондинка с тугим хвостом на затылке и маленькими восковыми ушками. Глаза ее рассмотреть не успел. Она старалась быть подчеркнута красивой.

– Две рюмки коньяку, – сказал Вячеслав Викторович.

Девушка едва заметно кивнула, вышла и через мгновение вернулась, будто поднос у нее стоял за дверью. Она поставила рюмки с жидкостью и скромно удалилась, с достоинством покачивая бедрами. „Это единственное, что ты можешь себе здесь позволить“, – подумал я.

– Вы Россию любите? – вдруг поинтересовался Вячеслав Викторович.

– Люблю, конечно, это моя родина... – Я пожал плечами.

Вячеслав Викторович неожиданно помрачнел.

– Пигментированная сволочь, дали ему в руки страну, государство... Деда и прадеды собирали Россию, каждый квадратный метр кровью поливали, все разбазарил за пять лет. Талант! Дебила посадить на руководство – и то меньше вреда было бы. Нет человека в Отечестве. Ждали долго молодого – получили сатану подкаблучную. Чем хуже – тем лучше. А эти последние – взялись исправить, проспали страну, а потом танками вылечить собрались. Я ведь знаю, как яacobсоны и швондеры машинами водку свозили к Белому дому, последние деньги отдавали, чувствовали, что момент или – или. В мутной водичке, при любой власти, лишь бы урвать... Обдурили русского дурака. Купили на сладкое слово „свобода“. И вот теперь задача: куда эту свободу приспособить, чтобы не так грустно с ней было. Слава богу, хоть Путин порядок навел... – Давай! – Он порывисто схватил рюмку, мы чокнулись. – Ты думаешь, наверное, что я мошенник, хапуга, христопродавец, у которого вместо совести калькулятор? Ну, честно, так и думаешь?

– Я никак не думаю... – ответил я в растрепанных чувствах.

– Расскажи о себе, – потребовал он.

– Не знаю, что вы хотите услышать. Погранучилище, границы Союза, там и сям. Ничего интересного. Афганистан. Спецназ погранвойск. Украина... И конец фильма.

– Ты был в Афгане? – Глаза моего собеседника загорелись. – Значит, „афганец“... Это меняет дело. Уважаю ребят, которые побывали там. Честные, смелые... Те, кто видел смерть, очистили душу.

– Мы выходили последними, после генерала Громова.

– Я знаю, погранцы еще в двадцатых числах подчищали... Я был в Афгане в числе первых. Кабул... Кандагар... Гиришк... Джелалабад... Не был там? Городишко так себе, помойка двухэтажная, а какой дворец!

– Был, – ответил я. – Там овальный бассейн, как старинное зеркало.

– Совершенно верно, овальный! – обрадовался Вячеслав Викторович и мечтательно прикрыл глаза. – Король Захир-шах построил. Сказка тысяча первой ночи! Я там год был советником. Потом сложная лихорадка, потерял двадцать кило весу... Комиссовали. До сих пор Афган снится. У нас много ребят-„афганцев“. Я думаю, у нас тебе понравится. Система... – Он грустно заглянул мне в глаза и сказал: – И она уже сильнее каждого из нас.

И тут я, как и обещал, задал вопрос:

– Ваша система питается человечинной?

– У тебя крепкие кулаки. Но это вовсе не значит, что ты можешь дожить до седых волос или, скажем, до облысения. Ты симпатичный малый. Но отныне ты должен быть внимательным.

Мне показалось, что его черные глаза прочитали мою душу. Несомненно, у этого человека была масса обаяния.

– У тебя конфликтов с правоохранительными органами не было? – вдруг спросил он.

– Были, – признался я неожиданно для себя и как на духу рассказал свою печальную историю.

Вячеслав Викторович внимательно выслушал меня, уточнил детали и успокоил:

– Не бойся, я в обиду тебя не дам. В конце концов, любому дураку ясно, что тебе не было резона убивать того бедолагу. Ведь так? Ты его раньше никогда не видел?

– Никогда.

– Подставили тебя, конечно, крупно. Ничего, в следующий раз будешь умнее. А кто они были?

– „Элкаэны“...

– Кто? – переспросил Вячеслав Викторович.

– Лица кавказской национальности.

– Понятно. Я думаю, у тебя будет возможность рассчитаться с ними.

В душе моей, граждане, поселилась тугая печаль. Я бы мог, конечно, удрать на первом же товарняке, но непомерное любопытство и отсутствие денег, которые, как я понял, в Москве не достанет только ленивый, остановило меня от этого шага. Сейчас вы подумаете, что я поступил весьма опрометчиво, и будете правы. Но пока я и вы этого, разумеется, не знаем.

– Ты будешь разъездным громилой, – сказал Вячеслав Викторович и, увидев, как у меня вытянулось лицо, пояснил: – Не переживай, никакой уголовщины. – Он кинул на край стола ключи. – Красный „жигуль“ во дворе, потом оформим доверенность.

Затем вертлявый отвел меня в кабинет шефа службы безопасности.

– Бастилин Юрий Иванович, – назвал себя огромный хмурилицый верзила. На верхней губе его белел тонкий шрам, а нос был приплюснутым, из чего я сделал вывод, что мой новый шеф занимался боксом.

– В пограничниках служил, офицер? – без предисловий начал он.

Я молча кивнул, пытаюсь догадаться, чем занимался этот битюг в недавнем прошлом.

– Значит, о дисциплине понятие имеешь. Предупреждаю: будешь болтать лишнее, вести двойную игру, своевольничать – закончиться может весьма плачевно. – Бастилин открыл сейф, достал конверт, протянул мне: – Здесь деньги. Приоденься поприличней, не жмоться, должен быть красивым и умным. Это тебе не граница.

– А при чем тут граница?

– Я так сказал. Пойдешь, пропишешь глазки, перекантуешься эту ночь здесь, а сейчас свободен. Завтра к девяти утра в новом костюме – как штык. Вопросы есть?

Вопросов у меня не было. Вместо магазина я поехал на „Красногвардейскую“. Возле гастронома околачивались обормоты. Денег на пиво у них не было, поэтому глаза их заплыли похмельным салом.

Профессора я нашел в гастрономе. Он сидел у окна и оцепенело смотрел, как падает снег. Я шлепнул его по плечу, он обрадовался и сразу заметил перемены в моей судьбе, хотя я еще не приобрел себе нового прикида.

– Вижу, ты забираешься выше... Смотри поаккуратней. Твоя внутренняя аура вошла в соприкосновение с чем-то черным. Будь осторожным.

Я пообещал. Потом мы выпили пива, и я заставил профессора взять у меня немного денег. Он отказывался, потом согласился – в долг. Я забрал у Дарьи свою сумку и чемодан, и мы с грустью расстались, пообещав друг другу встретиться на следующей неделе.

В магазине „Руслан“ на Садовом кольце я купил себе синий костюм, который должен был выгодно оттенять мое пожелтевшее за последнее время лицо. Отметив в зеркале легкую небритость, я пожелал себе успеха и решил поужинать в ресторане. Свой выбор, вдруг заностальгировав, я остановил на „Тарасе Бульбе“...

У входа меня радушно встретил таджик в украинском национальном костюме, широченных шароварах и соломенной шляпе. Я ему сказал: „Салам алейкум!“ Но он, не поддавшись на провокацию, заученно ответил: „Здоровеньки були!“

Я заказал у приветливой узбечки в вышитой украинской сорочке, с косой, уложенной колбаской на голове, борщ, „Немировку“ с перцем, половину утки, всякие закуски, селедку, холодец и жбан квасу. Сало тут давали бесплатно, в приложении к горилке.

„Почему они не боятся, что я сбегу, не отработав задатка?“ – подумал я о своих новых хозяевах. И тут мне показалось, что чей-то скользкий взгляд блуждает у меня за спиной. Я уронил коробок спичек и, наклонившись за ним, уселся другим боком. Возле входа стоял парень в сером костюме и равнодушно пускал кольца дыма к потолку. К нему вышла девушка, он взял ее под руку и провел к столику в противоположном углу зала. На меня они даже не посмотрели. „Чепуха“, – раздражаясь на свои страхи, подумал я... В зале сидели еще три кавказца, они безуспешно бомбардировали шампанским соседний столик, где томно болтали две юные

блондинки. К бутылкам они не притрагивались, но и не отправляли обратно. Еще были иностранцы – пожилые и тихие туристы, озабоченные поиском экзотики.

И я, благословив себя (ибо никто другой это не сделал бы), стал предаваться тревогу, понимая, что вряд ли меня когда-нибудь еще занесет на Украину. Выпив бутылку „Немировки“, я перешел на чистейший украинский язык и затребовал „ще горилки та скоромных вареников“. Узбекская украинка растерялась, затеребила ленточки на головушке, ее монисто задребезжало, зазвенело, она растерянно развела руками. „Ее тезаурус не адекватен реципиенту“, – подумалось мне в этой ситуации. Кто не в курсе – эту лабуду на первом курсе журфака того же МГУ сообщают преподаватели на первой же лекции очумевшим от счастья поступления студентам. Это означает: „Не умничай там, где тебя не поймут“.

Вместо украинской узбечки появился тяжелый дядя, в европейском костюме, но с расшитой рубахой. На его лысой макушке мокро прилип оселедец – волосяной хвостик. Я понял, что это переводчик. Он устало вытер пот на макушке – о ужас! – оселедец оторвался. Я успел его подхватить уже у самого пола.

– Дякую! – без тени смущения сказал он и, ловко выхватив у меня оселедец, тут же прилепил его обратно на макушку. – Добрий вечир! У пана е бажання?

– Е бажання! Скоромных вареников хочу.

– Скоромных вареников? Будь ласка!

– А ще хочу, шоб воны до моего рта сами скакали, як жабы.

– Як Пузатому Пацюку на хуторе близ Диканьки?

– Ото саме.

– Зульфия, Зинка! – позвал он самую симпатичную официантку.

Она тут же покорно появилась перед ним.

– Ты помнишь, как у вашего народа кормят пловом самых выдающихся гостей?

– А як же, помню, даже пам'ятаю, Остап Никифорович.

– О! Вже розумиєш. Точно також ты должна нагодувать варениками нашего гостя из Украины.

– Для меня це величезна честь, Остап Никифорович.

И тут я понял, что дело приняло нешуточный оборот. Щепотки плова, отправляемые ловким броском в рот толстого бая – это еще цветочки... Но как мне в рот будут метать увесистые вареники! Если ушлая узбечка ловка, то мне надо будет лишь вовремя открывать рот и не подавиться. А ежели у нее рука крива, то мне, как псу, надо будет ловить на лету. Хорошенькое занятие для отставного пограничника.

Таз с варениками не заставил себя долго ждать. Видно, сей продукт был всегда наготове.

– Оцэ е справжня українськка йижа! – провозгласил Остап – уже больше для заинтересовавшихся посетителей.

У зарубежных пенсионеров просто вспыхнули глаза. Они подозвали свою официантку и жестами попросили принести то же самое. Та с радостью кивнула и побежала выполнять заказ.

И ось тут для меня (сам напросился) наступил час „х“. На букву „Х“. Самый старший украинский узбек из недр кухонного таинства с пальцами бывшего пианиста (мытыми ли?!), поклонившись, глазами спросил, готов ли я по обычаю их предков получить высшую степень почитания?

На ответ мне оставалось не более пяти секунд.

– Готов!

Тут же меня облачили в узбекский халат (прости господи, сначала он показался большим).

Тут появились еще другие участники, которых еще не видел.

Я понял, почему меня облачили в не совсем новый халат.

– Где Зульфия? – воскликнул я. Больше некому было довериться; понимая, что украинские вареники каким-то образом, может, по узбекскому сценарию, должны улететь в мою утробу, я еще надеялся на внезапное чудо.

Халат узбекский (подозрения не обманули меня) начал превращаться в смирительную рубашку; это открытие поразило меня, я дернулся, как кокон, взрывающийся бабочкой-порхуньей. Ключья материала андижанской ткацкой фабрики разлетелись в стороны. Два невзрачных участника, не виданных ранее, исчезли.

Пропал куда-то, как испарился, и таз с варениками.

Спустя некоторое время, позднее, побывав еще во многих переделках, мне так и не удалось понять, чего хотели от меня эти два фигуранта.

А вареники, по совету Остапа, который появился как ни в чем не бывало, предложено было откусать из рук гарной дивчины. И тут же под трели соловья из репродуктора она и выплыла, полненькая, пышногрудая, губки – нераспустившийся бутончик розы. Лучезарно улыбнувшись, она сообщила, что ее звать Олеся. И это уж точно была Олеся, настоящая, украинская, без имитации. В ручечках она держала горячий глечик, обернутый рушничком. Олеся ловко уселась мне на колени, поерзала, устроившись поудобней, взяла ложку со стола и начала меня потчевать.

Вот то были справжние скоромные вареники: с требухой, печеночкой, грибами, картошкой! Маленький хитрожопый пельмень в сметане со шкварками катался, ни глаз, ни ушей, ни шеи, а вся Украина почитает его за национальный символ. Трезубец и рядом не ржавел.

Это было настоящее украинское „кино“, которое я так ждал.

Как только вареники закончились, Олеся протерла мне рот вышитой салфеткой, я тут же попытался приникнуть к ее жарким устам, но Олеся с неожиданной для ее пышности быстротой выпорхнула с моих коленей и была вне досягаемости...

Может, мне не хватало романтической галантности и надо было вовремя предложить шепотком продолжить вечер в уединении с французским вином и моим предупредительным ухаживанием... А наутро кислое похмелье...

Я щедро расплатился с Олесей и спустился вниз. Безобразно улыбающийся человек у входа предложил мне выпить из бутылки (по форме напоминавшей надутый водой презерватив) некий „посошок“. Серая жидкость отдавала хреном. Я отдал за это удовольствие 100 рублей.

Наутро на моей новой „службе“ мне сказали: „Бомбить пойдем“. Я виду не подал, спросил только: на бомбардировщиках вылетаем или используем 120-миллиметровый миномет?

Меня тут же познакомили с Вераксой. Чернявый худосок с почти смуглым лицом назвался Джоном. Я рассмеялся, потому что нос у субъекта был верхневолжским.

Джон сказал:

– Кент, я посмотрю тебя в деле.

Я не стал спрашивать о ближайших функциональных обязанностях.

Джон выехал на своем „Мерседесе“, я – на „жигуле“. Так сказал Бастилин. „Мерс“ выпаривал дорогу, я еле поспевал за ним, ни черта не зная, на какую авантюру несусь с покорностью юного мерина.

Остановились у „Желтой Лошади“, заведения ресторанного типа с вывеской, естественно, на английском: „Yellow Horse“.

– Входим, делаем незначительный заказ, а потом – кукарачу, – сказал Веракса. Он побледнел и из смуглеца превратился в серо-пепельную куклу.

Джон вошел, резко отворив дверь. У него была шаркающая походка, поэтому нас сразу услышали. Подбежал юный официант и предложил освободить нас от верхней одежды.

Веракса замешкался, нервно сунул руку в карман. Это не укрылось от официанта, и Джон тут же вытащил руку наружу. Последние сомнения у присутствующих рассеялись: посетитель прибыл с пистолетом.

– Мы ненадолго, к директору... – быстро сказал Веракса и поправил кепку.

Официант испарился, и тут вместо директора появились два плоскорылых жлоба. Веракса побледнел, как кефирная бутылка, вырвал из кармана пистолет и заорал дурным голосом:

– На пол, все на пол!

Верзилки изумились и аккуратно улеглись между столами. Видно было, что они парни тренированные и понятливые.

– А ты чего стоишь? – закричал на меня Веракса. – Бери стул и бросай в витрину.

Как будто эти обязанности были записаны в контракте.

Я выбрал стул и бросил его. Витрина рухнула. Верзилки вздохнули.

– Еще что? – спросил я печально.

– Тащи сюда директора!

Я пошел по коридору, открыл дверь. Директор, жестколицый карапуз, тарасился на меня с нескрываемой злобой. В руке он держал телефонную трубку.

– Доброе утро, – сказал я. – Вовсе не собираемся причинить вам вред. Пройдите, пожалуйста, в зал.

От такого обращения директора затошнило. Наверное, он подумал, что я изощренный садист.

Веракса сказал ему:

– Ты, борзушник петушиный, ты чо понтуешься, хочешь свои лупетки в стакане увидеть?

Карапуз догадался, о чем речь, и обильно вспотел. Я тоже понял, узреть свои глаза в стакане – это было сильно...

Директор сильно вспотел, потом-таки спросил:

– Сколько?

– Как всегда – десять процентов плюс еще сто пятьдесят штрафных. Приползешь лично с конвертом, завтра.

– У меня нет таких денег...

– Это твои проблемы.

И Веракса, освоившись, поднял стул и бросил его в стойку бара. Но не задел ни одной бутылки.

Мы выскочили на улицу и тут же напоролась на ментов. Веракса, оттолкнув одного из них, рванул в сторону, а на меня сразу тупорыло уставились два ствола. Через мгновение я был в наручниках, меня обыскали, затолкали в „Волгу“ и повезли, братцы, повезли. Сукин сын Веракса растворился в московских закоулках, я же приготовился к самому худшему. Сержант, боксерская рожа с расплюснутым в пятак носом, сел за руль, а офицер, не теряя времени, тут же приступил к допросу:

– Кто тебя послал? Ну, говори, урод! Как твоя фамилия, имя? Адрес?

– Миклухо-Маклай, – невесело ответил я.

Старший лейтенант крепко саданул меня в печень, потом легонько двинул в челюсть.

– На кого работаешь, собака?

Офицер пытливно заглянул мне в глаза, и я увидел на дне его души бесшабашное веселье и равнодушие. Уши у него были особенные – сверху заостренные, и мочки почти отсутствовали. „У таких людей что-то не в порядке, – мельком подумал я. – То ли с совестью, то ли с психикой... Захотят – убьют“.

– Зачем стекла бил? Деньги вымогал, подонок? Вот такие, как ты, убивают на корню свободное предпринимательство!

– И препятствуют курсу нашего правительства на поддержку малого и среднего бизнеса, – поддакнул сержант.

– Кто твой кореш? Говори фамилию, быстрым бегом!

Я получил очередную тычку и предпочел отмолчаться.

– Ничего, сейчас привезем в отделение, сразу запоешь! – успокоил меня старший лейтенант.

На его честном лице золотозубо сверкнула ухмылка.

Мы кружили по московским улицам и переулкам. Нельзя сказать, что столица мне не нравилась. После заповедной пограничной глуши на Западном Буге Москва подавляла и озадачивала. Я жадно впитывал городской ландшафт, прекрасно понимая, что эти короткие впечатления – немного, что мне осталось на вольной жизни. Возможно, меня расстреляют. Старлей по-прежнему донимал вопросами, лениво подталкивал кулаком, вяло действуя по методу: сразу нагнать холоду, чтобы клиент раскололся. Но я молчал. В такой ситуации лучше помалкивать. Никто меня, дурака, не спасет, а погубит только язык. И я держался, хотя все происходящее казалось каким-то кошмарным видением. За какие-то полмесяца меня дважды крупно подставили. По-черному. Видно, каким-то негодяям очень нужно было засадить меня за решетку и свалить на мою бедную голову преступные делишки лишенных совести московских парней.

Машина зачихала и остановилась. Мы забрались на какие-то окраины. Сержант открыл капот и стал ковыряться. Я попросил у офицера сигарету. Он великодушно усмехнулся, полез в карман, и тут я воспользовался своим единственным шансом. Кольцо наручников точно впечаталось в его переносицу. В следующее мгновение я выхватил пистолет из кобуры, зубами оттянул затвор, выскочил из машины. Сержант выпрямился. На его лице отчетливо проступило недоумение.

– Пистолет – на землю! Двумя пальчиками.

Милиционер попытался сыграть рубаху-парня:

– Ну, ты чего, парень, ведь мы все свои!

– Ну!

Пистолет упал на землю.

– А теперь, сержант, слушай очень внимательно. Сейчас ты возьмешь ключик и очень быстро откроешь эти браслеты. Ведь ты понятливый парень, у тебя умное лицо...

Сержант оказался толковым парнем, вытащил из кармана ключ, я положил руки на капот, упер в него рукоять пистолета и направил его прямо в нос милиционера.

– Стреляю тут же, без промаха, – пришлось заботливо предупредить.

Через мгновение мои руки обрели свободу. Я оттолкнул сержанта, поднял второй пистолет, вытолкал наружу офицера, который уже пришел в себя, прыгнул за руль и резко рванул с места, успев заметить изумленные лица моих недавних попутчиков. Наверное, их накажут по служебной линии...

Машина была без милицейских надписей, видно, оперативная, поэтому я решил немного проехаться с ветерком. Как раз и улица хорошо называлась – Свободы. Возле „Сходненской“ я решил не играть с судьбой, остановился. Оба пистолета сунул в бардачок. Закрыв машину на ключ, бросил его под днище и неторопливо нырнул в утробу метрополитена... Тут вспомнил, что не вытер отпечатки пальцев с руля, и рванул по ступенькам вверх. Машина ждала меня, зеленая, как крокодил, и всю улыбалась решеткой радиатора. Ничего не оставалось делать, полез доставать закинутый ключ. Выудив связку и еще не разогнувшись, неожиданно увидел у своего носа пару крепких „омоновских“ ботинок. Подняв глаза, увидел, вы правильно догадались, постового милиционера, который и в дождь, и в стужу, и днем, и ночью не дает покоя таким мерзавцам, как я...

– Какие-то проблемы, браток? – спросил он меня очень участливо.

– Да вот, что-то глушитель стучит, – ответил я не менее дружелюбно. – Как бы не отломался.

Милиционер посочувствовал и отошел. У меня даже на душе потеплело: есть же отличные ребята в милиции. Протерев руль, быстро захлопнул дверцу, опять закрыл ее, а ключи на этот раз незаметно уронил в ближайшую урну.

Голубой вагон нес меня по черному тоннелю, сверху гигантской пульсирующей амебой распласталась Москва. Я закрыл лицо мятой газетой, сделав вид, что читаю. У меня начался синдром преследования. Странно, что до сих пор меня не пристрелили при попытке к побегу, не посадили в СИЗО с видом на ближайшее десятилетие.

Возвратиться к боссу – и надеяться на яркую, как свеча, жизнь? Уйти в никуда, стать на неопределенное время бомжем, а потом вернуться во Владивосток к матери и сказать, что нищ, как бесхвостая мышь.

И тут я вспомнил про Валеру Скокова. Он выручал меня в Афганистане, потом судьба нас развела, я попал на Украину, он – в контрразведку, затем генерал-„афганец“ забрал его на Лубянку. На проходной мне не сказали ничего утешительного. Отутюженный прапорщик отрубил по-уставному, что знать ничего не знает и ему не положено. Хорошо, что по „09“ мне сообщили телефон дежурного офицера. И тот уже внял моей просьбе и отыскал номер Скокова.

Он сам поднял трубку, послышался знакомый голос.

– Валера, это я.

– Володя?! Ты где?

Через три минуты он был внизу, в сером костюме, при галстукке; мы крепко обнялись: не виделись с самого Афгана. Он не изменился, все тот же упрямый подбородок, пристальный, изучающий взгляд, брови вразлет, аккуратная щеточка черных усов. Я начал рассказывать о своих злоключениях, но Валера меня остановил:

– Давай не здесь.

Он сходил за пальто, и мы окунулись в вымороженную темноту московских улиц. Валера оглянулся, повел меня за угол, там мы сели в метро, проехали две остановки и, выйдя наружу, очутились у входа в кафе. Столик по молчаливому согласию заняли угловой, взяли бутылку вина и пару салатов.

– Ну, как жизнь в „конторе“?

– Все, слава богу, вернулось на круги своя... – задумчиво ответил Валера. – А лет пятнадцать назад – все рушилось. Откуда-то столько негодяев повыползло, всем до усрачки хотелось что-то разоблачить или покаяться, штаны снять и голым задом попросить прощения у всего демократического мира, чтобы приняли нас в свой „дом“. Во время путча 1991 года я был в „наружке“, у Белого дома. А потом нашлись кореша, которые заложили меня новым хозяевам. Еле успел уничтожить документы по секретным операциям в Афганистане. Мой нынешний шеф тогда попросил вывезти и сохранить. Дома обыск делали, меня раз десять к прокурору таскали... А сейчас, спасибо ВВП, возвращаем исходные позиции. Погранвойска вернули под крышу ФСБ... Ну а ты как?

Валера выслушал мою печальную историю, призадумался.

– Вижу, тебя на уголовщину потянуло... Два таких крупных залета... В старые добрые времена ты давно бы сидел в кутузке, а сейчас такой бардак, что запросто можешь разгуливать по Москве, на Лубянку наведываться. А чем промышляют твои новые хозяева?

– Я толком не разобрался... Владеют сетью торговых предприятий, ресторанов, есть свой банк. Четкая иерархия. Предупредили о железной дисциплине, – ответил я.

– Чтобы получить информацию о коммерческих структурах, нужен обоснованный запрос. А по всем прикидкам в этой структуре, где тебе ломать хлеба дают, заправляют уголовники.

– Я вижу, ты стал серьезным парнем, – не удержался я.

– Не время дурака валять. Страна балансирует на грани, чтобы не свалиться в очередной экономический кризис, дефолт. Ты хоть понимаешь это немного?

– Немного понимаю. Ты извини, я ведь не работаю в аналитических центрах ФСБ, а из погранвойск Украины меня вытурили как потенциального шпиона. В родной же Российской Федерации всем почему-то хочется посадить меня за решетку. Мне нужно было скрыться. На ноже мои отпечатки... И вообще, я здесь никому не нужен.

– Я могу тебе помочь восстановиться, – предложил Валера.

– Не надо.

– Жаль, что ты, офицер, связался с бандитами, крушишь витрины в ресторане, как „шестерка“ из дворового рэкета. – Он заговорил раздраженно.

– Я не „шестерка“, и постарайся это запомнить. А то, что я расколотил витрину, так это трудности моего босса. Они между собой разберутся.

– Ты – пограничник, а сядешь в тюрьму вместе с уголовниками. Если до этого не пристукнут.

Возникла мертвая пауза, после которой встают и расходятся в разные стороны или начинают драку.

– Тебя надо спасать, – мрачно заметил Валера. – Ты сделал потрясающе много ошибок. На кой черт ты рассказал, как тебя подставили с трупом и ты скрывался от милиции? А с виду умный...

Меня всегда бесил его наставительный тон, особенно сейчас. Легче всего давать советы, когда имеешь крышу над головой, надежное и престижное место в „конторе“. А ведь он даже не спросил, как моя семья, жена... В моей душе полный хаос. Когда я корячился в Афгане, жена мне изменила, мы развелись, дочку она забрала с собой... Я стал еще более одиноким, чем в лейтенантскую юность.

– Пошел ты к черту, – сказал я.

Валерка улыбнулся и опустил глаза.

– Не сердись, старик, я понимаю, что тебе плохо... Семья развалилась, ты одинок.

– Откуда ты знаешь? – вырвалось у меня.

– Знаю... И не забывай, что у тебя есть друг.

Он протянул мне руку, и я с чувством пожал ее. На глазах у меня выступили слезы. Моя нервная система стала ни к черту.

Хорошо, когда друзья это понимают.

За дружбу мы и выпили.

Порешили, что я вернусь на старое место, расскажу боссу о всех перипетиях последних часов, а также буду держать Валеру в курсе всех событий.

– У тебя свой интерес? – спросил я.

– Не упрощай нашу дружбу, – сказал он, и я понял, что это вовсе не высокопарные слова.

Переночевал я у Валерки. Они снимали однокомнатную квартиру в Солнцева. С его женой Верой я был знаком с училищных времен. Черноокая, ласковая, как котенок, она просияла улыбкой, когда мы появились за полночь, повисла у Валерки на шее, чмокнула меня в щеку и потащила за стол.

– Мы трезвые и голодные, – объявил с порога Валерка.

И Вера мгновенно соорудила ужин, мы выпили бутылку „Каберне“, вспомнили училищные годы и улеглись спать. Засыпая, я тихо позавидовал семейному счастью друга, красавице жене, губки которой, казалось, все время сложены для поцелуя.

Утром я отправился в „Империю“. Накануне была оттепель, ночью же мороз прихватил снежную кашу, и теперь ледяные бугры с треском рушились под моими ногами. Я шел к боссу и понимал, что все глубже засовываю свою голову в пасть неведомому животному.

У входа маячили мальчики в коротких пальто. Они проводили меня заинтересованными взглядами, и тут же я услышал, как один из них по радиостанции доложил:

– Резвый в офисе!

Я глянул на свое отражение в медной табличке на стене, оно меня вполне устроило. В холле меня задержал охранник, но, узнав, равнодушно махнул рукой – „проходи“.

И вновь за спиной я услышал приглушенный голос:

– Резвый поднимается наверх!

Наверное, уважаемый читатель, ты вспомнил бессмертные кадры, как штандартенфюрер СС Штирлиц шел коридорами Главупра имперской безопасности прямо к папе Мюллеру. Именно об этом вспомнил и я.

На третьем этаже мне преградили дорогу два амбала. Здесь коридор разветвлялся, в конце его промелькнул человек с заклеенной переносицей. Он развернулся на полном ходу, будто позабыл весьма важную штучковину и поторопился возвратиться. Этот человек не то что встревожил меня, но вселил в душу неудобство: он показался мне знакомым. Но я тут же забыл о нем, потому что из-за спин охранников выглянул жердеобразный мужчинка – вихляющийся секретарь из приемной.

– Нельзя! – закричал он пронзительно, будто я собирался совершить тягчайшее преступление. – Без вызова ни в коем случае нельзя!

Дурачок сыграл свою жалкую роль. На самом деле, меня пристально сопровождали и с нетерпением ждали.

Через четыре с половиной минуты меня подтолкнули в кабинет Вячеслава Викторовича.

Седой джентльмен с интересом глянул на меня и спросил:

– Ты на кого работаешь, нахаленок?

– На себя, – ответил я туманно.

– Рассказывай, что натворил...

– Бил стекла по распоряжению Вераксы. – Я пожал плечами. – Потом он смылся, а меня повязали.

– А ты не знаешь, почему тебя повязали? – быстро спросил босс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.